

Научная статья
УДК 130.2 (510)
DOI: 10.21209/2227-9245-2024-30-2-141-152

Региональная культура как потенциал развития туризма в российско-китайском приграничье: от теоретической объективации к вопросам новых реалий

**Валентина Сергеевна Морозова¹, Доржи Дондокович Дондоков²,
Татьяна Вячеславовна Якунина³**

^{1,2,3}Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия;

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург, Россия

¹morozova1550@mail.ru, ²dondokovdd@herzen.spb.ru, ³paulka@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию
28.03.2024

Одобрена после
рецензирования 06.05.2024

Принята к публикации
13.06.2024

Ключевые слова:

российско-китайское
приграничье, Забайкальский
край, Северо-Восток КНР,
региональная культура,
приграничный туризм,
пандемия COVID-19,
цифровизация, ванхун-
города, государственная
политика в сфере туризма,
вектор государственной
политики

В поле исследовательского внимания авторов – культурно-цивилизационный потенциал восточных рубежей России и приграничных им регионов Китая. В настоящее время предмет статьи представляется особенно актуальным в контексте двух обстоятельств: во-первых, туристические контакты в условиях пандемии COVID-19 претерпели значительные трансформации; во-вторых, осложняющаяся ситуация с возникновением барьеров для вхождения в европейское туристическое пространство делает Китай одним из самых привлекательных для развития туризма регионов. Кроме того, независимо от сказанного, сам концепт «граница» предстаёт в исследовании не как определённый форпост, а как уникальное социокультурное пространство, в котором функционирование региональной культуры опосредовано влиянием трёх культурных измерений – национального, локального, инокультурного. Цель исследования – на примере приграничной региональной пары «Забайкальский край РФ – Северо-Восточный регион КНР» рассмотреть особенности взаимодействия приграничных культур, представляющих интерес для интеграции в современные процессы становления приграничного туризма. Одной из основных задач становится выявление проблем развития приграничной туристической сферы, которую предлагается решить и с помощью актуализации работы на онлайн-площадках, выступающих современным пространством сосредоточения и аккумуляции туристического контента в эпоху цифровизации. Приведена авторская модель «диалогичности региональных культур приграничья», показана возможность её интеграции в современную концепцию развития туризма на приграничных территориях, а также обозначен вектор государственной политики в отношении развития туристических инициатив в российско-китайском приграничье.

Original article

Regional Culture as a Potential for Tourism Development in the Space of Russian-Chinese Borderland: from the Theoretical Objectification to New Reality Issues

Valentina S. Morozova¹, Dorzhi D. Dondokov², Tatyana V. Yakunina³

^{1,2,3} Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia;

¹National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia

¹morozova1550@mail.ru, ²dondokovdd@herzen.spb.ru, ³paulka@mail.ru

Information about the article

Received March 28, 2024

Approved after
review May 06, 2024

Accepted for publication
June 13, 2024

The article focuses on cultural and civilizational potential of Russian eastern borders and China border regions. The subject of this article today seems to be particularly relevant in the context of two circumstances: firstly, tourist contacts have undergone significant transformations in the context of the COVID-19 pandemic, and secondly, the aggravating situation with the emergence of barriers to entry into the European tourism space makes China one of the most attractive regions for tourism development. The very concept of "border", regardless of the above, appears here not as a certain outpost, but as a unique sociocultural space where regional culture functioning is mediated by the influence of three cultural dimensions (national, lo-

Keywords:

Russian-Chinese borderland, Transbaikal Region, North-East China, regional culture, cross-border tourism, COVID-19 pandemic, digitalization, wanghong-city, state tourism policy, vector of state policy

Введение. Современный контекст экономической глобализации, связанный с активным проявлением процессов взаимодействия культур – от «глобальной деревни» (феномена современных онлайн-технологий, порождающих явление мультикультурализма) до «сообщества единой судьбы» (масштабной инициативы глобального управления) – заставляет, как ни странно, обратить внимание на региональное культурное измерение, которое в настоящее время претерпевает ряд существенных трансформаций, связанных и с последствиями пандемии COVID-19, и с необходимостью переориентации туристических потоков с западного вектора на восточноазиатский. Всё это отчетливо прослеживается на примере взаимодействия региональной пары «Забайкальский край (РФ) – Дунбэй (КНР)». **Актуальность работы** состоит в том, что именно здесь сам концепт «граница» как **объект исследования** предстаёт не только в виде форпоста, но и как уникальное социокультурное пространство, в котором функционирует региональная культура, как **предмет исследования**, исторически опосредовано влиянием трёх культурных измерений – национального, локального и инокультурного, которые в современное время дополнило измерение цифровое, что при должном подходе может быть успешно интегрировано в процессы развития туристических инициатив приграничья.

В целом, контекст приграничного сотрудничества России и Китая соотносится с вектором их интересов на международной арене, являясь неотъемлемой частью политических и социально-экономических связей. Однако на практике нынешний уровень сотрудничества на местах не соответствует ожиданиям, даже после так называемого «поворота на Восток» [4; 23]. Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г. в перечне перспективных экономических специализаций Забайкальского края как приграничного региона не учитывает развития сколько-ни-

cal, foreign). The case of border regional pair the Transbaikal Region, Russia and North-East China shows the features of their culture's interaction, which are of interest for integration into the processes of border tourism formation and development. The identified problems in the border tourism sector development are proposed to be solved, among other things, by updating the work on online platforms, which act as a modern space for the concentration and accumulation of tourist content in the era of digitalization. A possible solution to the above issues on the basis of the original "dialogism of border area regional cultures" model, its integration into the concept of tourism development in the border areas is indicated, as well as the vector of modern state policy regarding the development of tourism initiatives in the Russian-Chinese border area.

будь близкого к сфере культуры направления, в то время как, например, Ленинградская область (на северо-западе граничащая с Финляндией, на юго-западе – с Эстонией) таковым направлением имеет туризм (однако в силу складывающихся обстоятельств также представляющийся весьма спорным). Вместе с тем как никогда актуальным выглядит п. 3 Национального проекта «Культура», который подразумевает формирование инновационного пространства «цифровой культуры».

Очевидно, что на границах культура не только зарождается, но и подвергается трансформирующему её влиянию. **Целью исследования** становится концептуализация самого феномена приграничной региональной культуры как фактора развития регионального туристического потенциала, а **главные задачи** – характеристика его интеграции в концепцию развития туристической сферы приграничья с учётом актуализации перехода ряда направлений в онлайн, определение уникальности культурно-цивилизационных ресурсов приграничья как результата соработности трансформации этнокультурного ландшафта приграничья и его репрезентации на онлайн-площадках (в том числе посредством феномена ванхун-городов), комплексный анализ государственной политики России и Китая по развитию сферы приграничного туризма и определение роли в нём культурного компонента. Не случайно китайские исследователи, говоря об интеграционных процессах в приграничье и социально-экономическом развитии приграничных регионов, подчёркивают особую роль в них культурного компонента [22].

Методология и методы исследования. Культурно-цивилизационный потенциал приграничных регионов с его многосоставным характером описывается авторами в контексте совокупности и многоаспектности характеристик региональной культуры, что требует качественного исследования с ис-

пользованием комплексного подхода с учётом как российской, так и китайской методологии, другими словами, речь идёт о принципе дополняемости. Отдельно отметим и важность учёта специфики межрегионального российско-китайского дискурса и в этом контексте связи исследовательской методологии с современными концепциями border studies.

Постановка проблемы и степень работанности. Культурно-цивилизационная специфика является одним из основных факторов развития туризма приграничных территорий. Этот потенциал сформирован ресурсами культуры региональной, именно поэтому речь идёт о необходимости не только выявления её роли в процессах российско-китайского межкультурного взаимодействия на границе, но и, прежде всего, осмысления данного феномена в теоретическом плане.

Термин «региональная культура» в российской научной школе определён достаточно чётко. Это, как правило, термин современной географии, без привязки к приграничью (Д. Н. Замятин, А. Г. Исаченко, В. Л. Каганский, В. Н. Калуцков, А. Г. Манаков). Однако культурное разнообразие в современном российском обществе определяется и исторически обусловленной структурой этнокультурного пространства [15], которую в настоящее время дополняют процессы международной и межрегиональной миграции. А. Ю. Тихонова выделяет такие её основные характеристики, как многоуровневость и многоаспектность [3]. Эта же особенность находит отражение в работах современных китайских исследователей. Так, по мнению Цао Шуайин, культура на границе радикально отличается от культуры китайского центра, что во многом связано с проживающими там этническими меньшинствами и с низкой степенью доверия между ними и ханьцами [18]. В том числе и по этой причине региональная культура в китайской научной школе изучается в русле культурфилософской традиции. Так, по мнению китайских исследователей [11], в настоящее время происходит переориентация самой функции границы от концепции форпоста, барьера для всякого рода взаимодействий, территории формирования культурных различий (или их отчётливого проявления) до территории слияния и смешения культур, своеобразного «узла культурной дифференциации». В этом контексте представляет интерес и точка зрения Чжан И, который, описывая особенности туристической индустрии провинции Хэйлун-

цзян (важного узла экономического проекта «Один пояс – один путь»), делает акцент на культуре этого региона как культуре приграничья, отмечая важность российско-китайского культурного сотрудничества в процессах интеграции и развития культурных индустрий Северо-Востока Китая [28]. Представители Института исследований Северо-Восточной Азии (Академия общественных наук провинции Хэйлунцзян) также подчёркивают этот контекст [13].

Приграничные территории занимают особое положение в силу своих уникальных характеристик. Среди них учёные выделяют не только географическое положение, но и культурное, этническое разнообразие [19], что имеет большое значение для развития самого приграничья. Вместе с тем, учитывая проблемы, характерные исключительно для такого рода территорий (региональные диспропорции в результатах культурной деятельности, низкий уровень межведомственного взаимодействия, упадок культурной инфраструктуры)¹, первоначально крайне важно обратиться к вопросам конструирования границ с помощью культурных механизмов, что прослеживается в работах как российских (теория культурно-географической регионализации В. Н. Калуцкова), так и китайских авторов (методология культурной географии Чжу Хун, Чэнь Сяоян и Цянь Цзюньси). «Культурное приграничье» как отдельный термин описан в работах Е. А. Воробьевой и А. А. Пылковой. Междисциплинарные исследования, как в России, так и в Китае, также затрагивают анализ приграничного этнокультурного ландшафта, причем в обоих случаях речь идёт о развитии культурных индустрий, и здесь китайские авторы очень удачно используют тезис "culture is new nature" [20; 21].

Трактовка же самого понятия «региональная культура» концептуально близка как в российской, так и в китайской научной школе. Так, термин «региональная культура» встречается в работах известного китайского экономиста Ли Инин [14], который ставит его в один ряд с такими терминами, как «культурный регион» (文化区域), «местная культура» (地方文化), «культурная модель» (文化模型), «внутрикультурное пространство» (文

¹ Об утверждении Концепции развития сотрудничества в сфере культуры между приграничными территориями Российской Федерации и сопредельными государствами на период до 2020 г.: приказ Минкультуры РФ: [от 20 июля 2011 г. № 807]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118726 (дата обращения: 22.08.2023). – Текст: электронный.

化内空间). Что же касается прикладных исследований, то китайский северо-восток насыщен значительным количеством научных центров по исследованию России, среди которых ведущее место, безусловно, занимает Хэйлунцзянский университет, где успешно функционирует Институт изучения России, являющийся в то же время единственным институтом по специализированному изучению РФ среди высших учебных заведений Китая [1]. Мониторинг китайской научной базы данных CNKI за 2020–2021 гг. показывает актуальность таких направлений исследования приграничья, как проблемы развития приграничной культуры Северо-Востока [24], вопросы межкультурного взаимодействия России и Китая в приграничном образовательном пространстве [25], культурные характеристики приграничных городов и повышение их качества [26], интеграция приграничного культурного туризма в международные инициативы Китая («Один пояс – один путь») [27], особенности индустрии культуры и туризма на приграничных территориях России и Китая [28]. В российском приграничье, в частности на территории Забайкальского края, нет специально ориентированных на изучение Китая организаций, кроме, пожалуй, двух научных школ на базе Забайкальского государственного университета – школы диалога культур Северо-Восточной Азии и школы интерпретаций региональных практик современного Китая, фокусирующих исследовательское внимание среди всего прочего на теоретических и методологических аспектах глобализации культуры в приграничье [8]. Кроме того, анализ таких международных научных баз данных как JSTOR, Taylor, Scopus, Web of Science, показывает, что вопросы исследования российско-китайского приграничья в настоящее время не входят в топ научных интересов российских исследователей, а цифровой контент туристических ресурсов приграничья в большей степени может быть охарактеризован как представленный китайскими платформами 微信 и 小红书.

Таким образом, можно констатировать, что становление понятия «региональная культура приграничья» в современной российской и китайской методологии – открытый и незавершённый процесс. Доминирующим по-прежнему остаётся географический компонент, однако всё больше прослеживается его связь с социокультурной спецификой. Приграничное пространство также представляется авторами в качестве своеобразной

цифровой «цивилизационной единицы», отдельного «культурного мира», в противовес приграничью как форпосту, опосредованному самим явлением границы, и уже только этот тезис требует научного пояснения для его дальнейшего включения в туристический дискурс с акцентом на его репрезентации на цифровых онлайн-платформах.

Результаты исследования. Представители Китайского института международных исследований говорят о том, что перед Россией стоит актуальная задача решения экономических и социальных проблем слабо развитых регионов Сибири и Дальнего Востока. В этом отношении важную роль играют соседние азиатские страны, которые являются основным источником инвестиций [6]. Приграничные территории в силу своих географических характеристик представляют собой особые пространства, культурно-цивилизационная специфика которых весьма динамична. В этом случае достаточно показателен кейс региональной приграничной пары «Забайкальский край РФ и Северо-Восточный регион Китая». Российско-китайское приграничье занимает особое место на географической карте. Это не просто пространство экономического взаимодействия и восточный рубеж страны, но и культурный мост между Востоком и Западом. Безусловно, здесь имеет место научный дискурс о высокой степени этническо-религиозной гетерогенности по сравнению с центральными регионами страны [5], однако российско-китайское приграничье имело и своеобразный генезис, во-первых, как определённая система культурных элементов, сформированная на основе признака приближенности к границе, а во-вторых, способностью функционировать согласно правил культуры национальной, но в то же время транслируя свои элементы в зарубежное приграничное пространство и закрепляя элементы зарубежной культуры в своей социокультурной системе координат. Такая диалектическая триада и представляет собой уникальную специфику приграничной региональной культуры, которая рассматривается как основной туристический потенциал исследуемой территории. Более того, этот потенциал активно репрезентуется на китайских онлайн-площадках (微信、小红书), что с момента закрытия туристических границ во времена пандемии COVID-19 стало тем аккумулирующим элементом, который имеет накопительный и в будущем взрывной эф-

фект, о чём будет сказано далее (феномен ванхун-городов).

Дескриптивное описание *культурных ресурсов российского приграничья (на примере Забайкальского края)* показывает их уникальный цивилизационный потенциал, выраженный цельным географическим пространством, не отделимым от историко-культурных и культурно-этнических основ с привнесением в него квинтэссенции многообразия народов и их культур, так или иначе имеющих связь с приграничным Китаем: культурное пространство и устное творчество *семейских* (староверы Забайкалья), входящее в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО; этнокультурная группа *казачества*, которая сложилась в XVII–XVIII вв. на приграничных территориях государства Российского и, несмотря на достаточную обособленность, объединила в себе несколько десятков народных культур; «непризнанный народ Забайкалья» – *гураны*, который образовался в результате смешанных браков русских с восточными народами, характеризующийся, помимо прочего, собственным диалектом.

Важнейшим качеством туристических ресурсов Забайкальского края как приграничного региона выступает многосторонний полилог этносов и их культур, состав которых настолько многонационален, что позволяет уйти от характеристики забайкальской культуры как культуры исключительно «русской». Уникальность же такой культурно-цивилизационной насыщенности заключается в практически идентичном полилоге культур и этносов на территории приграничного Китая, где также до сих пор соседствуют эвенки, русские, маньчжуры и монголы.

Специфика *культурно-цивилизационного потенциала северо-восточного региона Китая* представляет собой особый туристический ресурс, который определяется авторами как сформированный под значительным влиянием русской культуры, что очень чётко прослеживается при анализе большинства географических составляющих региона:

1) элементы русской культуры получили полноценную трансляцию в Автономном районе Внутренняя Монголия. Русский язык и культура активно распространялись в его культурном пространстве в начале XX в., когда шло строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). В настоящее время здесь располагается самый «русский китайский» город – Маньжоули;

2) провинция Хэйлуцзян – территория уникального этнокультурного ландшафта приграничья, вобравшего в себя элементы русской культуры, что сделало их притягательными в контексте туристской направленности.

Очевидно, что китайское приграничье закрепило в своём пространстве гораздо большее количество элементов русской культуры по сравнению с приграничной Россией. Граница между двумя государствами проходит по удалённой от центров стран территории. Приграничные районы Китая долгое время считались маргинальными в культурном и социально-экономическом отношении [16], а русская ментальная география однозначно утверждает, что вектор развития культуры направлен с Запада на Восток, и в этом ракурсе приграничный регион рассматривается как «зона депрессии», удалённая даже от сибирских культурных центров [17]. Несмотря на «периферийную встречу» двух культур, их активное трансграничное взаимодействие привело к тому, что приграничное российско-китайское пространство начинается со стороны Китая за сотни километров до формальной границы, а это значит, что внутренний туризм на территории Китая вполне может ознакомить с русской культурой, феноменально представленной на территории другой страны. Не случайно, существует и термин «русская Маньчжурия», исторически описывающий многонациональное и многокультурное пространство проживания русских в китайском приграничье, по своим характеристикам сильно отличавшееся от русских диаспор в западных странах [7]. Похожего мнения придерживается и К. Козиол [12], отмечающая, однако, что особенность такой культурной специфики китайского приграничья заключается вовсе не в идентичности жителей и их национальном составе, а в наличии особых тематических культурных пространств, управляемых Китаем.

В данном контексте уместно в качестве примера привести феномен так называемых китайских ванхун-городов (网红城市). В условиях перехода многих отраслей в онлайн-пространство приведённый феномен представляет собой новую реальность развития региональной культуры. Ванхун-города – это города, развиваемые с помощью медиапространства. Медиакультура становится двигателем развития туризма, т. к. ванхун-города – это не только репрезентация красивых городских локаций, но и параллельное с ними развитие

городской туристической инфраструктуры. Повышенный интерес китайские пользователи проявляют к локациям, которые играют на контрасте. Исходя из этого, уникальным потенциалом обладает региональная культура китайского приграничья, характеризующаяся закреплением элементов русской культуры. В топ-100 ванхун-городов Китая входят города Северо-Востока – Чанчунь, Харбин, Шэньян. В условиях закрытых границ репрезентация такого феномена онлайн выглядит как способ аккумуляции интереса к локациям, который способен «выстрелить», как только пандемия пойдёт на спад. Более того, учитывая переориентацию туристических потоков на восточноазиатское направление, данный феномен также выглядит особо привлекательным.

На территории Забайкальского края можно выделить как минимум три перспективных проекта, отражающих процессы соразвития культур приграничных территорий, а также способных объединить культурные и финансовые ресурсы российского и китайского приграничья.

1. *Социокультурный проект «Туристический историко-этнографический комплекс "Чингисхан – Чита"»*, который на заседании координационного совета Федеральной программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в России на 2011–2018 гг.» оказался отобранным на 22-м месте среди 46 прочих проектов.

2. *Туристско-рекреационный комплекс «Русская деревня» в приграничном пгт Забайкальск*, который на заседании координационного совета Федеральной программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в России на 2011–2018 гг.» занял 38-е место среди 46 других проектов и, исходя из презентации, представленной на сайте Ростуризма, имеет преимущество размещения в пограничном транзитном коридоре.

3. *Международный российско-китайский инвестиционный проект трансграничного туристического парка «Восточные ворота России "Забайкальск – Маньчжурия"»*. По материалам электронного издания «Россия и Китай» строительство первой очереди зданий и сооружений проекта потребует 30 млн долл., а доля стратегического китайского партнёра в реализации может составить до 50 %. Ставка сделана на то, что китайский город Маньжоули динамично развивается, а число ежегодно посещающих его туристов составляет свыше 5 млн чел., большинство которых представ-

ляют богатые южные и восточные провинции Китая.

Приведём в качестве примера ряд успешных проектов на территории Китая, нацеленных на использование культурно-цивилизационного потенциала российско-китайского приграничья:

1) на территории китайского приграничья расположена *русская национальная волость Шивэй*, которая развивает направление русского семейного туризма, показывая туристам быт, традиции и обычаи русского народа. Китайский спутниковый канал «Феникс» в одном из своих репортажей рассказывает об этом туристическом направлении следующее: «Своеобразный туристический бренд, отражающий культуру традиций русских и их потомков от смешанных браков, позволяет привлекать сотни туристов из внутренних регионов Китая ... Получается, что китайцы добились успеха в развитии русского туризма в Китае¹;

2) крупнейший в Китае *музей русского искусства* на территории приграничного Маньжоули (национальный ландшафтный парк категории 5А), общая площадь которого составляет более 4600 м². Русское искусство представлено здесь более чем 2 тыс. экспонатов. Примечательно, что матрёшка, расположенная здесь, занесена в книгу рекордов Гиннеса. Относительно новый проект в области развития данного направления туризма – организация свадебных церемоний в соответствии с национальными обычаями русского народа, для чего здесь построен Дворец бракосочетаний в западном архитектурном стиле;

3) новый проект, реализованный в 2021 г., – башня «Жемчужина северной границы» (北疆明珠) высотой более 150 м. Смотровая площадка этого своеобразного туристического кластера расположена менее чем в 1 км от российско-китайской границы (по некоторым данным, это единственная в мире смотровая площадка для обзора соседней страны со столь недалёкого расстояния).

Говоря о процессах цифровизации, нельзя не сказать о Китае как о находящемся на средних позициях, однако в контексте аккумуляции туристических ресурсов в онлайн-пространстве он однозначно находится впереди России. Безусловно, самыми популярными онлайн-площадками выступают 微信 и 小红.

¹ Каждый турист – инвестор, каждый рубль – в экономику края. – URL: <http://www.chita.ru/articles/31781> (дата обращения: 24.08.2023). – Текст: электронный.

Мини-программа 微信指数 отображает спрос на поиск по тегу #北疆明珠 за последние 30 дней – авторские наблюдения позволяют утверждать непрерывное повышение интереса к данной локации со стороны публичных аккаунтов. Тег #满洲里北疆明珠塔 на платформе 小红书 получил более 10 тыс. просмотров. Вместе с тем ни одна туристическая локация российского приграничья не представлена сколько-нибудь заметным контентом в онлайн-пространстве.

Очевиден контраст в репрезентации ресурсов региональной культуры приграничья в онлайн-пространстве. В настоящее время необходимо осмыслить вариант дополнения концепции российского приграничья как некоего форпоста представлением этой территории как потенциальной площадки для соразвития с приграничной территорией Китая, в том числе с позиций развития туристической сферы посредством онлайн-площадок. Не случайно некоторые исследователи используют термины «культурное приграничье» и «экономическое приграничье» в одном ряду [10], а в Китае появилась концепция «Дышать одним воздухом, жить общей судьбой» (同呼吸, 共命运). Другими словами, задачи соразвития приграничных территорий России и Китая могут и должны быть интегрированы в стратегию социально-экономического развития российского приграничья с учётом вызовов новой цифровой реальности.

Выводы. Мониторинг публичных аккаунтов китайских онлайн-площадок 微信 и 小红书 на предмет туристических маршрутов в приграничье выявил цепочку популярных тегов #中俄、#套娃、#俄文化、#北疆明珠塔, что говорит о многоаспектности в представлении культуры китайского приграничья. Сама граница обладает качеством некоего «культурного притяжения», что расширяет мысль Ю. М. Лотмана о рождении культуры на границах дополнением о том, что на границах она подвергается и значительным трансформационным процессам. К числу таких трансформаций авторы относят *диффузионные процессы*, формирующие своеобразный этнокультурный ландшафт приграничья, не только визуализирующий притягательность для развития туристической сферы, но и представляющий собой динамично развивающуюся систему как главную свою особенность. Соответственно, диалог культур в контексте осмысления диффузионных процессов объективно вписывается в концепцию развития приграничного туризма. Другими словами,

речь идёт о культурном синкретизме, отчётливо проявляющемся в пространстве российско-китайского приграничья. Важно не путать культурный и религиозный синкретизм. Последний, как считают М. Лига, Ю. Гаврилова, И. Щёткина и Н. Гордеева, является решающим фактором обеспечения социальной безопасности в приграничье, создавая прочные связи между этническими группами, что способствует сохранению функциональной целостности государственных границ [9].

Однако помимо очевидной взаимообусловленности *процессов культурной диффузии* в российско-китайском приграничье очевидна и их явная асимметрия. Современная ситуация складывается таким образом, что этнокультурный ландшафт российской стороны приграничья сохранил свою региональную специфику в большей степени, нежели приграничные территории Северо-Востока Китая, которые подверглись значительной трансформации под историческим воздействием культурного влияния России. Однако в настоящее время остро стоит вопрос о грамотном заимствовании инокультурных элементов, что долгое время оставалось вне поля научных исследований. Элементы русской культуры в пространстве китайского внутреннего туризма, а именно искажённые формы культуры, транслируются за рубеж и при этом выступают факторами развития приграничных территорий Китая. Данный феномен интересен тем, что в условиях ограниченных туристических возможностей неуклонно растёт число туристов, посещающих приграничную Маньчжурию, и следует обратить внимание на то, что перед ними представлен не вполне корректный образ русской культуры, соответственно, в их сознании формируется не совсем адекватное её восприятие. Маньчжурия становится своеобразным ванхун-городом, который привлекает туристов культурным синкретизмом. Однако, трансформируя приграничный этнокультурный ландшафт, хаотичное заимствование элементов русской культуры искажает процессы соразвития, дезориентируя вектор межкультурного диалога.

Комплексный анализ нормативно-правовой базы, касающейся взаимодействия приграничных регионов России и Китая, показывает следующий результат. Проанализированы такие документы, как Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г., Концепция развития сотрудниче-

ства в сфере культуры между приграничными территориями РФ и сопредельными государствами на период до 2020 г., Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г., Перечень значимых проектов инвестиционного сотрудничества РФ и КНР 2021 г. Очевидно, что процессы взаимодействия России и Китая в приграничье имеют потенциал и активно развиваются, но вместе с тем роль и место региональной культуры по-прежнему игнорируются. В совместном исследовании Фонда «Института экономики и социальной политики» и Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре, реализованного в 2020 г., также не уделено внимание культурному потенциалу восточных рубежей России. В Китае же помимо успешного функционирования Департамента управления границами в базе данных национального законодательства¹ отображаются, по крайней мере, два документа, касающиеся приграничных территорий:

1) в преамбуле *Положения об управлении границами провинции Хэйлунцзян* сделан важный акцент на поддержание добрососедских отношений с соседними регионами [29];

2) в 3 главах из 6 *Положения об управлении границами Автономного района Внутренняя Монголия* содержится отсылка к взаимодействию с приграничными территориями соседней страны [30].

Выводом из сказанного становится признание очевидных лакун российской нормативно-правовой базы по вопросам регулирования приграничного сотрудничества РФ и КНР, в том числе в сфере туризма и межкультурного взаимодействия, а также отмечается полное отсутствие корреляции между наукой и государством в поставленных вопросах. Добавим к этому последствия пандемии коронавирусной инфекции, а в заключение перечислим ряд факторов, которые также осложняют современное состояние межкультурных связей российско-китайского приграничья и выступают барьерами к развитию сферы приграничного туризма: во-первых, взаимодействующие субъекты недостаточно осведомлены друг о друге; во-вторых, феномен «культурное превосходство» окрашивает

¹ 国家法律法规数据库 – база данных национального законодательства Китая (контролируется канцелярией постоянного комитета ВСНП), находящаяся в открытом доступе, включающая нормы конституции, административное законодательство, местное законодательство, а также судебное толкование правовых норм. – URL: <https://flk.npc.gov.cn/sfjs.html> (дата обращения: 24.08.2023). – Текст: электронный.

межкультурное взаимодействие характерным качеством конфликтности.

Говоря о стандарте модели диалога культур, мы на первое место ставим «передающую культуру» как заключающую в себе большой объём культурного потенциала и культурной памяти, который, в свою очередь, должна усвоить «культура принимающая». В этой связи возникает вопрос о необходимости разработки особенной модели приграничного межкультурного взаимодействия, которая будет структурироваться механизмами сохранения целостности культур региональных и одновременно с этим предоставит возможность интеграции их культурно-цивилизационных ресурсов в практическую плоскость, а именно – в процессы соразвития туристического потенциала российско-китайского приграничья, учитывая их равноправие. Модель такого взаимодействия представлена как авторская модель «диалогичности региональных культур приграничья». Её особенность заключается, прежде всего, в том, что она, признавая культурную целостность обеих сторон приграничья, формирует схему дополняемости, не требуя при этом выбор роли.

Безусловно, наиболее пострадавшей в эпоху пандемии COVID-19 стала сфера туризма, однако по материалам дайджеста Департамента международного и регионального сотрудничества культура в настоящее время входит в стадию восстановления (хоть и неравномерного), а значит можно постепенно возвращаться к осмыслению процессов интеграции совместных проектов и программ в единую концепцию развития приграничного туризма РФ и КНР. На практике данная модель может быть представлена так называемым приграничным социокультурным кластером, структурированным региональными культурами российско-китайского приграничья и управляемым совместно Россией и Китаем, который, соответственно, приносит финансовую прибыль обеим сторонам. Таким образом, модель «диалогичности региональных культур приграничья» меняет односторонний вектор распространения и искажения элементов взаимодействующих культур, ставит барьер хаотичному закреплению искажённых элементов той или иной культуры, при этом делает акцент на развитие региональной культуры, а значит и на сохранение культурно-цивилизационного потенциала приграничья [2]. Данные условия формируют поле для осуществления особо-

го варианта становления и развития сферы приграничного туризма. Прежде всего, речь идёт об активном использовании по примеру Китая онлайн-площадок и интернет-ресурсов, т. к. потенциал цифрового потребления огромен. Далее необходимо начать выстраи-

вание равноправного полноценного диалога, что найдёт место в общей стратегии развития и сохранения культурно-цивилизационного потенциала страны и, в свою очередь, будет укреплять российское культурное присутствие в мире.

Список литературы

1. Козинец А. И., Ли Дань. Институты изучения России в КНР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2. С. 142–150. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-2/141-150.
2. Морозова В. С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. Чита, 2013. 380 с.
3. Тихонова А. Ю. Региональная культура: опыт исследования. М.: Директ-Медиа, 2016. 210 с.
4. Behrooz Chaman Ara & Cyrus Amiri. Gurani: practical language or Kurdish literary idiom? // British Journal of Middle Eastern Studies. 2018. Vol. 45. Pp. 627–643. DOI: 10.1080/13530194.2018.1430536.
5. Bufetova A. N., Kolomak E. A., Khruzhanovskaia A. A. The National and Religious Diversity of Siberia's Regions // Problems of Economic Transition. 2019. Vol. 61. Pp. 19–37. DOI: 10.1080/10611991.2019.1691877.
6. Dze S. China's Role in the New Stage of Russia's Development of Its Eastern Regions // Problems of Economic Transition. 2017. Vol. 59. Pp. 768–777. DOI: 10.1080/10611991.2017.1416836.
7. Fedorova K. Interethnic Communication on the Russian-Chinese Border: Its Past and Present. Текст: электронный // Region. 2018. No. 1. Pp. 83–104. URL: <https://www.jstor.org/stable/26537993> (дата обращения: 25.08.2023).
8. Fomina M. N., Borisenko O. A. Globalizing Culture in Transboundary Space // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2019. DOI: 10.1088/1755-1315/274/1/012143.
9. Gavrilova Y., Shchetkina I., Liga M., Gordeeva N. Religious syncretism as a sociocultural factor of social security in cross-border regions // Mental Health, Religion & Culture. 2018. Vol. 21. Pp. 231–245. DOI: 10.1080/13674676.2018.1460590.
10. Holzlehner T. Economies of Trust: Informality and the State in the Russian-Chinese borderland // Trust and Mistrust in the Economies of the China-Russia Borderlands. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. Pp. 65–86. DOI: 10.2307/j.ctt22zmbb1.6.
11. Jun Gao, Chris Ryan, Jenny Cave, Zhang Chaozhi. Tourism border-making: A political economy of China's border tourism // Annals of Tourism Research. 2019. Vol. 76. Pp. 1–13. DOI: 10.1016/j.annals.2019.02.010.
12. Koziol K. Representing "Russianness" in the Chinese-Russian Borderland // Eurasian Geography and Economics. 2020. Vol. 61. Pp. 100–108. DOI: 10.1080/15387216.2020.1727757.
13. Li Song. Strategic priorities of cooperation between Heilongjiang province and Russia // R-economy. 2019. Vol. 5. Pp. 13–18. DOI: 10.15826/recon.2019.5.1.002.
14. Li Yining. Chinese economy in Disequilibrium. Berlin: Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2014. 195 p. DOI: 10.1007/978-3-642-39558-1.
15. Limonov L., Nesena M. Regional cultural diversity in Russia: does it matter for regional economic performance? // Area Development and Policy. 2016. Vol. 1. Pp. 63–93. DOI: 10.1080/23792949.2016.1164016.
16. Max D. Woodworth & Agnieszka Joniak-Lüthi. Exploring China's borderlands in an era of BRI-induced change // Eurasian Geography and Economics. 2020. Vol. 61. Pp. 1–12. DOI: 10.1080/15387216.2020.1727758.
17. Peshkov I. The Trade Town of Manzhouli: Trust Created and Undermined // In Trust and Mistrust in the Economies of the China-Russia Borderlands. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. Pp. 121–142. DOI: 10.2307/j.ctt22zmbb1.9.
18. Shuaiying Cao. Chinese Frontier Politics // Journal of Borderlands Studies. 2019. Vol. 34. Pp. 145–146. DOI: 10.1080/08865655.2017.1294496.
19. Wu Shangli. Several Issues on the Development of Cultural Resources in the Border Areas // Regional Cultural Study. 2020. Vol. 4. Pp. 63–70.
20. Xu Wenyan, Zhao Jingwei, Ye Li. Culture is new nature: comparing the restorative capacity of cultural and natural landscapes // International Journal of Environmental Studies. 2018. Vol. 75. Pp. 847–865. DOI: 10.1080/00207233.2018.1426311.
21. Zhang Yi. Analysis of the Countermeasures of Heilongjiang Province's Integrated Development of Cultural and Tourism Industries in the Border Areas of Russia // The Border Economy and Culture. 2020. Vol. 7. Pp. 7–8.
22. Zhu Yingyu. An Economic Model for Studying the Role of Cultural Industries on Social Development in Cross-border Contexts // Emerging Markets Finance and Trade. 2020. Vol. 56. Pp. 1581–1600. DOI: 10.1080/1540496X.2019.1703106.
23. Zuenko I. Russia-China Cooperation: A View from the Region // Russian Politics and Law. 2020. Vol. 57. Pp. 1–17. DOI: 10.1080/10611940.2020.1835069.

24. 胡迪: "东北边疆文化发展中的挑战及对策" = 胡迪. Вызовы развитию приграничной культуре Северо-Востока и меры противодействия им // *Экономист*. 2021 г. 7-й номер, 116–117 стр.
25. 马红, 范会敏, 曹馨月: "中俄边境跨文化教育合作的现状与实践" = Ма Хун, Фань Хуэйминь, Цао Синьюэ. Современное состояние и практика межкультурного образовательного сотрудничества в российско-китайском приграничье // *湖北开放职业学院学报*. 2021 г. 4-й номер, 100–101 стр.
26. 孙晶: "边境口岸城市的城市文化特征及其品质提升研究—以满洲里为例" = Сунь Цзин. Исследование городских культурных характеристик и улучшение качества приграничных портовых городов – на примере Маньчжурии // *汉江师范学院学报*. 2021 г. 2-й номер. 47–52 стр.
27. 古燕, 张海云: "一带一路"背景下边境口岸文化旅游发展与国家形象构建关系研究—以满洲里为例" = Гу Янь, Чжан Хайюнь. Исследование взаимосвязи между развитием культурного туризма в приграничных портах и построением национального имиджа в контексте «Одного пояса и одного пути» – на примере Маньчжурии // *青藏高原论坛*. 2021 г. 1-й номер. 42–47 стр.
28. 张毅: "黑龙江省对俄边境地区文旅产业融合发展的对策分析" = Чжан И. Анализ контрмер провинции Хэйлуцзян по комплексному развитию индустрии культурного туризма в российском приграничье // *边疆经济与文化*. 2020 г. 7-й номер. 7–8 стр.
29. 黑龙江省边境管理条例 = Положение об управлении границами провинции Хэйлуцзян // *国家法律法规数据库*. URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgwODE2ZWlxYWZiODAxNmVjMDQyM2MxMDc1MDA%3D> (дата обращения: 24.08.2023).
30. 内蒙古自治区边境管理条例 = Положение об управлении границами Автономного района Внутренняя Монголия // *国家法律法规数据库*. URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAYOGFiY2M2MTI3Nzс5MzAxNjEyODU3ODBiZTE2ZDI%3D> (дата обращения: 23.08.2023).

References

1. Kozinets A. I., Li Dan. Institutes for the Study of Russia in China. *Oikumena. Regional studies*, no. 2, pp. 142–150, 2018. DOI: 10.24866/1998- 6785/2018-2/141-150. (In Rus.)
2. Morozova V. S. Regional culture in the socio-cultural space of the Russian and Chinese borderlands. *Diss. doc. philos. Sciences*: 09.00.13. Chita, 2013. 380 p. (In Rus.)
3. Tikhonova A. Yu. Regional culture: research experience. Moscow: Direct Media, 2016. 210 p. . (In Rus.)
4. Behrooz Chaman Ara & Cyrus Amiri. Gurani: practical language or Kurdish literary idiom? *British Journal of Middle Eastern Studies*, vol. 45, pp. 627–643, 2018. DOI: 10.1080/13530194.2018.1430536. (in Eng.)
5. Bufetova A. N., Kolomak E. A., Khruzhanovskaia A. A. The National and Religious Diversity of Siberia's Regions. *Problems of Economic Transition*, vol. 61, pp. 19–37, 2019. DOI: 10.1080/10611991.2019.1691877. (in Eng.)
6. Dze S. China's Role in the New Stage of Russia's Development of Its Eastern Regions. *Problems of Economic Transition*, vol. 59, pp. 768–777, 2017. DOI: 10.1080/10611991.2017.1416836. (in Eng.)
7. Fedorova K. Interethnic Communication on the Russian-Chinese Border: Its Past and Present. *Region*, no. 1, pp. 83–104, 2018. Web: 25.08.2023. <https://www.jstor.org/stable/26537993>. (in Eng.)
8. Fomina M. N., Borisenko O. A. Globalizing Culture in Transboundary Space. *IOP. Conference Series: Earth and Environmental Science*, 2019. DOI: 10.1088/1755-1315/274/1/012143. (in Eng.)
9. Gavrilova Y., Shchetkina I., Liga M., Gordeeva N. Religious syncretism as a sociocultural factor of social security in cross-border regions. *Mental Health, Religion & Culture*, vol. 21, pp. 231–245, 2018. DOI: 10.1080/13674676.2018.1460590. (in Eng.)
10. Holzlehner T. Economies of Trust: Informality and the State in the Russian-Chinese borderland. *Trust and Mistrust in the Economies of the China-Russia Borderlands*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. Pp. 65–86. DOI: 10.2307/j.ctt22zmbb1.6. (in Eng.)
11. Jun Gao, Chris Ryan, Jenny Cave, Zhang Chaozhi. Tourism border-making: A political economy of China's border tourism. *Annals of Tourism Research*, vol. 76, pp. 1–13, 2019. DOI: 10.1016/j.annals.2019.02.010. (in Eng.)
12. Koziol K. Representing "Russianness" in the Chinese-Russian Borderland. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 61, pp. 100–108, 2020. DOI: 10.1080/15387216.2020.1727757. (in Eng.)
13. Li Song. Strategic priorities of cooperation between Heilongjiang province and Russia. *R-economy*, vol. 5, pp. 13–18, 2019. DOI: 10.15826/recon.2019.5.1.002. (in Eng.)
14. Li Yining. *Chinese economy in Disequilibrium*. Berlin: Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2014. 195 p. DOI: 10.1007/978-3-642-39558-1. (in Eng.)
15. Limonov L., Nesena M. Regional cultural diversity in Russia: does it matter for regional economic performance? *Area Development and Policy*, vol. 1, pp. 63–93, 2016. DOI: 10.1080/23792949.2016.1164016. (in Eng.)
16. Max D. Woodworth & Agnieszka Joniak-Lüthi. Exploring China's borderlands in an era of BRI-induced change. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 61, pp. 1–12, 2020. DOI: 10.1080/15387216.2020.1727758. (in Eng.)

17. Peshkov I. The Trade Town of Manzhouli: Trust Created and Undermined. Trust and Mistrust in the Economies of the China-Russia Borderlands. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. Pp. 121–142. DOI: 10.2307/j.ctt22zmbb1.9. (in Eng.)
18. Shuaiying Cao. Chinese Frontier Politics. Journal of Borderlands Studies, vol. 34, pp. 145–146, 2019. DOI: 10.1080/08865655.2017.1294496. (in Eng.)
19. Wu Shangli. Several Issues on the Development of Cultural Resources in the Border Areas. Regional Cultural Study, vol. 4, pp. 63–70, 2020. (in Eng.)
20. Xu Wenyan, Zhao Jingwei, Ye Li. Culture is new nature: comparing the restorative capacity of cultural and natural landscapes. International Journal of Environmental Studies, vol. 75, pp. 847–865, 2018. DOI: 10.1080/00207233.2018.1426311. (in Eng.)
21. Zhang Yi. Analysis of the Countermeasures of Heilongjiang Province's Integrated Development of Cultural and Tourism Industries in the Border Areas of Russia. The Border Economy and Culture, vol. 7, pp. 7–8, 2020. (in Eng.)
22. Zhu Yingyu. An Economic Model for Studying the Role of Cultural Industries on Social Development in Cross-border Contexts. Emerging Markets Finance and Trade, vol. 56, pp. 1581–1600, 2020. DOI: 10.1080/1540496X.2019.1703106. (in Eng.)
23. Zuenko I. Russia-China Cooperation: A View from the Region. Russian Politics and Law, vol. 57, pp. 1–17, 2020. DOI: 10.1080/10611940.2020.1835069. (in Eng.)
24. 胡迪. 东北边疆文化发展中的挑战及对策 = Hu Di. Challenges and Countermeasures in the Development of Northeast Frontier Culture. 经济师. 2021年. 第7期. 第116–117页. (In Chin.) (in Eng.)
25. 马红, 范会敏, 曹馨月. 中俄边境跨文化教育合作的现状与实践 = Ma Hong, Fan Huimin, Cao Xinyue. The Status Quo and Practice of Cross-Cultural Education Cooperation on the Sino-Russian Border. 湖北开放职业学院学报. 2021年. 第4期. 第100–101页. (In Chin.)
26. 孙晶. 边境口岸城市的城市文化特征及其品质提升研究—以满洲里为例 = Sun Jing. Research on the Urban Cultural Characteristics and Quality Improvement of Border Port Cities – Taking Manzhouli as an Example. 汉江师范学院学报. 2021年. 第2期. 第47–52页. (In Chin.)
27. 古燕, 张海云. "一带一路"背景下边境口岸文化旅游发展与国家形象构建关系研究—以满洲里为例 = Gu Yan, Zhang Haiyun. Research on the Relationship Between the Development of Cultural Tourism at Border Ports and the Construction of National Image in the Context of "One Belt One Road" initiative – Taking Manzhouli as an Example. 青藏高原论坛. 2021年. 第1期. 第42–47页. (In Chin.)
28. 张毅. 黑龙江省对俄边境地区文旅产业融合发展的对策分析 = Zhang Yi. Analysis of the Countermeasures of Heilongjiang Province's Integrated Development of Cultural and Tourism Industries in the Border Areas of Russia. 边疆经济与文化. 2020年. 第7期. 第7–8页. (In Chin.)
29. 黑龙江省边境管理条例 = Heilongjiang Province Border Management Regulations. Web. 24.08.2023. <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgwODEZmYyZWZiODAxNmVjMDQyM2MxMDc1MDA%3D>. (In Chin.)
30. 内蒙古自治区边境管理条例 = Inner Mongolia Autonomous Region Border Management Regulations. Web. 23.08.2023. <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyODU3ODBiZTEZDI%3D>. (In Chin.)

Информация об авторах

Морозова Валентина Сергеевна, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры китайской филологии, Институт востоковедения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия; приглашённый профессор кафедры исследований Китая, Юго-Восточной и Южной Азии Института востоковедения и африканистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург, Россия; morozova1550@mail.ru. Область научных интересов: культурно-цивилизационная специфика Китая, социокультурные контексты современного китайского общества.

Дондоков Доржи Дондокович, старший преподаватель кафедры китайской филологии Института востоковедения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия; dondokovdd@ Herzen.spb.ru. Область научных интересов: контрастивная лингвистика, интернет-дискурс.

Якунина Татьяна Вячеславовна, канд. пед. наук, заведующая кафедрой китайской филологии Института востоковедения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия; raulka@mail.ru. Область научных интересов: социокультурные контексты современного китайского общества, лингвокультурология.

Information about the authors

Morozova Valentina S., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor, Chinese Philology department, Institute of Oriental Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia; Visiting Professor, Research China department, Southeast and South Asia, Institute of

Oriental and African Studies, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia; morozova1550@mail.ru. Research interests: cultural and civilizational specifics of China, socio-cultural contexts of modern Chinese society.

Dondokov Dorzhi D., senior lecturer, Chinese Philology department, Institute of Oriental Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia; dondokovdd@herzen.spb.ru. Research interests: contrastive linguistics, Internet discourse.

Yakunina Tatyana V., Candidate of Pedagogical Sciences, head of the Chinese Philology department, Institute of Oriental Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia; paulka@mail.ru. Research interests: socio-cultural contexts of modern Chinese society, linguoculturology.

Вклад авторов в статью

Морозова В. С. – анализ феномена региональной культуры приграничья, разработка и обоснование методологии исследования, проведение полевых исследований для сбора эмпирического материала, подготовка и написание текста статьи.

Дондоков Д. Д. – сбор аутентичных источников, работа с текстами на китайском языке, оформление библиографии, подготовка и написание текста статьи.

Якунина Т. В. – сбор аутентичных источников, работа с текстами на китайском языке, оформление библиографии, разработка практических рекомендаций для дальнейшего вектора исследования, подготовка и написание текста статьи.

The authors` contribution to the article

Morozova V. S. – the analysis of regional borderland culture phenomenon, development and justification of the research methodology, conducting field studies

Dondokov D. D. – collection of authentic sources, work with texts in Chinese, design of bibliography, preparation and writing of the text of the article. empirical data collection, preparation and writing the article text;

Yakunina T. V. – collection of authentic sources, working with texts in Chinese, formatting bibliography, development of practical recommendations for further research direction, preparation and writing the article text.

Для цитирования

Морозова В. С., Дондоков Д. Д., Якунина Т. В. Региональная культура как потенциал развития туризма в российско-китайском приграничье: от теоретической объективации к вопросам новых реалий // Вестник Забайкальского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 141–152. DOI: 10.21209/2227-9245-2024-30-2-141-152.

For citation

Morozova V. S., Dondokov D. D., Yakunina T. V. Regional Culture as a Potential for Tourism Development in the Space of Russian-Chinese Borderland: from Theoretical Objectification to New Reality Issues // Transbaikal State University Journal. 2024. Vol. 30, no. 2. P. 141–152. DOI: 10.21209/2227-9245-2024-30-2-141-152.